

UDC: 343.121

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВА НА МОЛЧАНИЕ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ОПЫТ АВСТРАЛИИ

Базарова Дилдора Бахадировна,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой «Уголовно-процессуальное право»
Ташкентского государственного юридического университета
e-mail: d.bazarova@tsul.uz
ORCID: 0000-0002-6833-9508

Аннотация. В статье автором рассматриваются вопросы ограничения права на молчание в уголовном судопроизводстве по опыту стран общего права, в частности Австралии, где законодатель принял ряд правовых актов, направленных на ограничение права на молчание, очертив его границы с целью упрощения рассмотрения уголовного дела и ускорения его раскрытия следователем. Автор анализирует ряд нормативно-правовых актов и имеющиеся в них ограничения и санкции, противоречащие природе института права на молчание, среди которых можно выделить лишение права подсудимого ссылаться на доказательства, которые были завуалированы правом на молчание и не представлены следователю во время допроса. Данное ограничение объясняется тем, что путем несообщения всех условий уголовного дела подсудимый препятствовал всестороннему рассмотрению и раскрытию уголовного дела следователем. Автор утверждает, что право на молчание является неотъемлемым правом человека, которое предусматривается международными правовыми актами и в частности уголовно-процессуальным законом Республики Узбекистан. Изучив опыт Австралии по возможности ограничения прав личности на молчание, автор приходит к выводу, что данные законодательные новшества не могут быть использованы в Республике Узбекистан, как противоречащие правовой природе права на молчание.

Ключевые слова: право на молчание, ограничение права, санкции, принципы уголовного правосудия, система общего права, доказательства, неупоминания.

JINOIY ODIL SUDLOVDA SUKUT SAQLASH HUQUQINI CHEKLASH: AVSTRALIYA TAJRIBASI

Bazarova Dildora Baxadirovna,
Toshkent davlat yuridik universiteti
«Jinoyat-protsessual huquqi» kafedrası mudiri,
yuridik fanlar nomzodi, professor

Annotatsiya. Maqolada muallif jinoyat protsessida sukut saqlash huquqini cheklash masalalarini umumiy huquq mamlakatlari, xususan, Avstraliya tajribasiga asoslanib ko'rib chiqadi. Bu yerda qonun chiqaruvchi sukut saqlash huquqini cheklashga qaratilgan bir qator huquqiy hujjatlarni qabul qilgan va uning bu huquqlarini tavsiflaydi. Jinoyat ishini ko'rib chiqishni soddalashtirish va tergovchi tomonidan oshkor etilishini tezlashtirish uchun chegaralar shular jumlasidandir. Muallif sukut saqlash huquqi institutining tabiatiga zid bo'lgan bir qator huquqiy hujjatlar, ulardagi cheklovlar va sanksiyalarni tahlil

qiladi. Ular orasida sudlanuvchini yashirin dalillarga murojaat qilish huquqidan mahrum etishni ajratib ko'rsatish mumkin. Sukut saqlash huquqiga ega va so'roq paytida tergovchiga taqdim etilmagan ushbu cheklov jinoyat ishining barcha shartlarini xabar qilmaslik, sudlanuvchining tergovchiga jinoyat ishini har tomonlama ko'rib chiqish va oshkor qilishiga to'sqinlik qilgani bilan izohlanadi. Muallifning fikricha, sukut saqlash huquqi insonning ajralmas huquqi bo'lib, u xalqaro-huquqiy hujjatlarda, shuningdek, O'zbekiston Respublikasining Jinoyat-protsessual kodeksida nazarda tutilgan. Jismoniy shaxsning sukut saqlash huquqini cheklash imkoniyati bo'yicha Avstraliya tajribasini o'rganib, muallif bu tajribadan O'zbekiston Respublikasida sukut saqlash huquqining huquqiy tabiatiga zid ravishda foydalanish mumkin emas, degan xulosaga keladi.

Kalit so'zlar: sukut saqlash huquqi, huquqni cheklash, sanksiyalar, jinoiy odil sudlov tamoyillari, umumiy huquq tizimi, dalillar, eslatmaslik.

RESTRICTING THE RIGHT TO SILENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE AUSTRALIAN EXPERIENCE

Bazarova Dildora Bakhadirovna,

Head of the department of Criminal Procedural Law of Tashkent State University of Law,
Doctor of Law, Professor

Abstract. In the article, the author considers the issues of limiting the right to silence in criminal proceedings based on the experience of common law countries, in particular Australia, where the legislator adopted a number of legal acts aimed at limiting the right to silence, outlining its boundaries in order to simplify the consideration of a criminal case and speed up its disclosure by the investigator. The author analyzes a number of legal acts and the restrictions and sanctions they contain that contradict the nature of the institution of the right to silence, among which one can single out the deprivation of the right of the defendant to refer to evidence that was veiled by the right to silence and was not presented to the investigator during interrogation. This restriction is explained by the fact that by failing to report all the conditions of the criminal case, the defendant prevented the investigator from fully considering and disclosing the criminal case. The author argues that the right to silence is an inalienable human right, which is provided by international legal acts and, in particular, by the criminal procedure law of the Republic of Uzbekistan. Having studied the experience of Australia on the possibility of restricting the right of an individual to remain silent, the author comes to the conclusion that these legislative innovations cannot be used in the Republic of Uzbekistan as contrary to the legal nature of the right to remain silent.

Keywords: right to remain silent, restriction of the right, sanctions, principles of criminal justice, common law system, evidence, omission.

Введение

Актуальность темы

Отличительной чертой уголовного правосудия, основанного на английском общем праве, является центральное положение нескольких фундаментальных принципов. К ним относятся презумпция невиновности, право на суд присяжных, требование к Короне доказать утверждение вне разумных сомнений, право на юридическое представительство, право на

очную ставку с обвинителем путем перекрестного допроса и право хранить молчание. Эти принципы взаимосвязаны и взаимно усиливают друг друга.

Целостность названной структуры принципов была поставлена под сомнение значительными изменениями, которые были внесены в уголовное правосудие в Австралии двумя законодательными актами. Поправки к Закону о доказательствах (доказательствах молчания)

2013 года (NSW) («Закон о доказательствах молчания») и к Закону о поправках к уголовно-процессуальному закону (Об обязательном досудебном раскрытии информации защитой) 2013 года (NSW) («Закон о раскрытии информации защиты»).

В работе проводится анализ законодательства и правоприменительной практики развитых стран с системой общего права и особенно уделяется внимание системе уголовно-процессуального права Австралии.

Исходя из уголовно-процессуальной правовой концепции Республики Узбекистан, направленной на обеспечение защиты прав личности в уголовном судопроизводстве, был проведен анализ возможности ограничения прав подозреваемых и обвиняемых на молчание, предусмотренных уголовно-процессуальным законом страны. Однако в ходе исследования были получены результаты, свидетельствующие о негативных последствиях для личности при внесении ограничений в отношении права на молчание.

Целью исследования является изучение передового опыта развитых стран по вопросам возможности ограничения права на молчание в уголовном процессе, с позиции защиты прав личности подозреваемого, обвиняемого и подсудимого.

Материалы и методы

В ходе исследования использованы научно-теоретические взгляды ученых-правоведов развитых стран по вопросам ограничения права на молчание в уголовном процессе с позиции обеспечения прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

При проведении исследования были использованы сравнительно-правовой метод, методы анализа, синтеза, дедукции и индукции.

Результаты исследования

«Право хранить молчание» является законным правом только в той мере, в какой это предусмотрено статьей 14(3) (g) Международного пакта о гражданских

и политических правах, которая предоставляет обвиняемому право «не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным».

Указанное действительно относится к набору иммунитетов, которыми подозреваемые и обвиняемые пользуются в ходе уголовного судопроизводства: иммунитет от неблагоприятных последствий за отсутствие сотрудничества в процессе расследования (включая допрос), защита от самооговора, пыток и жестокого обращения, направленных на получение признательных показаний, и от необходимости давать показания в судебном процессе против самих себя.

Данные положения нашли свое отражение в статьях 46 и 48 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан, в соответствии с которыми подозреваемый и обвиняемый имеют право «отказаться от дачи показаний и быть уведомленным о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу против него», то есть таким образом уголовно-процессуальный закон Республики Узбекистан обеспечивает право личности на молчание.

В Англии и Уэльсе право хранить молчание было существенно ограничено Законом об уголовном правосудии и общественном порядке 1994 года (the Criminal Justice and Public Order Act – CJPO). Раздел 34 CJPO позволяет сделать неблагоприятный вывод, если обвиняемый не упомянул при допросе с предостережением или предъявлении обвинения факты, на которые он впоследствии ссылался в суде.

Закон о доказательствах молчания (The Evidence of Silence Act) в Австралии ограничивается случаями, связанными с серьезным правонарушением, влекущим за собой уголовное преследование, т. е. преступлением, наказуемым максимальным сроком в пять лет лишения свободы

или более. Он уполномочивает следователя выносить специальное предупреждение о том, что подозреваемый ничего не должен говорить и делать, но может нанести вред его защите, если не упомянет при допросе о чем-либо, на что впоследствии ссылались в суде, и что все, что человек говорит или делает может быть использовано в качестве доказательства. У следователя должны быть разумные основания подозревать, что данное лицо совершило конкретное тяжкое уголовное преступление, и он не должен выносить особое предупреждение, если только не убедится, что расследуемое преступление является тяжким уголовным преступлением.

В ходе последующего судебного разбирательства неблагоприятные последствия могут быть сделаны, как это представляется надлежащим, из доказательств того, что во время официального допроса в связи с преступлением обвиняемый не упомянул или отказался упомянуть факт обстоятельства, существовавшего на тот момент, и на который опирается его защита в этом судебном разбирательстве.

В течение очень долгого времени от обвинения в юрисдикциях общего права требовалось, чтобы оно своевременно и на постоянной основе раскрывало защите все соответствующие материалы, известные ему, включая доказательства, на которые оно будет полагаться, соответствующие материалы, на которые нельзя полагаться, и соответствующие материалы, которые могут быть полезными для защиты [1].

Это обязательство подкрепляется законодательством, требующим от правоохранительных органов раскрывать прокурорам «всю соответствующую информацию, документы или другие вещи, полученные во время расследования, которые, как можно разумно ожидать, помогут делу обвинения или делу обвиняемого» [2].

До принятия Закона о защите информации в Австралии подозреваемый, обвиняемый мог хранить молчание и ничего не раскрывать без каких-либо неблагоприятных формальных последствий (хотя магистраты, присяжные и судьи всегда делали свои собственные выводы из молчания подозреваемого, обвиняемого), за исключением двух важных случаев – требований обвиняемому представить обвинению доказательства алиби и существенного нарушения психического функционирования.

Закон о раскрытии информации защитой (The Defence Disclosure Act) применяется к судебному разбирательству по любому уголовному преследованию. Раздел 142 требует, чтобы обвинение сообщало защите определенные сведения. Эти положения в значительной степени бесспорны и повторяют предыдущую практику.

Однако такая кодификация обязательств по раскрытию информации и предписание описания и предоставления информации требует от прокуратуры введения процедур и создания документов, которые во многих случаях будут излишними и обременительными. Это трудно совместить с обязательством правительства по сокращению ненужного администрирования и задержек в уголовном процессе.

Если обвинение соблюдает требования о раскрытии информации, а защита нет, то (а) суд или любая другая сторона с разрешения суда может сделать такой комментарий в суде, который сочтет уместным, и (b) суд или присяжные могут затем сделать такие неблагоприятные выводы, какие сочтут уместными. Однако, в соответствии со статьей 148 Civil Procedure Act 2005, суд может отказаться от этих положений, если это отвечает интересам правосудия.

В тех случаях, когда защита полагается на психическое заболевание, в настоящее

время нет законодательно установленного требования к защите предоставлять обвинению психиатрические заключения. На практике, однако, почти в каждом случае, когда защита опирается на психическое заболевание, юридические представители защиты перед судом вручают обвинению копии любых психиатрических заключений, на которые должен опираться обвиняемый в попытке убедить обвинение принять заявление о невиновности по причине психического заболевания.

Настаивание правительства на необходимости перехода от дискреционного к обязательному раскрытию информации [3] согласуется с его директивным подходом к уголовному правосудию и его недоверием к судейскому усмотрению при вынесении приговора. Однако это также может обоснованно указывать на рекомендации Комиссии по реформе законодательства Нового Южного Уэльса в отношении раскрытия информации защитой [4]. Несмотря на предупреждение его рабочей группы по эффективности судебного разбирательства о том, что обязательное раскрытие информации может быть контрпродуктивным (в частности, в плане увеличения расходов, «вытекающих из необходимости для обвинения и защиты информировать адвоката значительно раньше даты судебного разбирательства»), Генеральный прокурор решил принять рекомендации членов меньшинства [5].

Законодательство Англии и Уэльса, которое Новый Южный Уэльс использовал в качестве своей модели, оказалось неэффективным в достижении своих целей и проблематичным в своих непреднамеренных последствиях, включая увеличение работы для судов [6].

Аналогичные выводы о недостигнутых целях и нежелательных побочных эффектах сообщались из двух других юрисдикций общего права, которые ограничили право хранить молчание таким образом,

– Северной Ирландии [7] и Сингапура [8].

Следующим условием является предполагаемое неупоминание ответчиком любого факта, на который он ссылаясь в свою защиту в ходе этого разбирательства. Это поднимает два вопроса о фактах:

во-первых, есть ли какой-то факт, на который подсудимый опирался в своей «защите»;

во-вторых, не упомянул ли подсудимый об этом следователю, когда его допрашивали в соответствии с разделом? Следующее условие заключается в том, что апеллант не упомянул факт, который при обстоятельствах, существовавших в то время, можно было разумно ожидать, что обвиняемый упомянет его при таком допросе. Упомянутое время является временем допроса, и должны быть приняты во внимание все соответствующие обстоятельства, существовавшие на тот момент.

Суды не должны толковать выражение «в данных обстоятельствах» ограничительно: такие вопросы, как время суток, возраст подсудимого, опыт, умственные способности, состояние здоровья, трезвость, усталость, знания, личность и юридические консультации, являются частью соответствующих обстоятельств; и это только примеры того, что может иметь значение.

Это положение предоставило адвокатам защиты широкие возможности для выдвижения аргументов о том, что вывод был бы неуместным. Как указывает Ленг, судей и присяжных просят сделать не простой вывод о «здравом смысле» из молчания подозреваемого, а, скорее, из того, что он, возможно, по совету юриста, не упомянул «конкретные факты, на которые позже ссылались в суде» [9]. Подозреваемый мог вообще не молчать, а мог говорить долго [10], что требует подробного сравнения того, что говорится на допросе в полиции и суде [11].

Законодательство Нового Южного Уэльса может создать дополнительные проблемы. Предполагается, что следователи знают, за какое правонарушение в конечном итоге будет предъявлено обвинение их подозреваемому. Хотя обычно так и бывает, во время допроса могут возникнуть вопросы, которые смещают фокус расследования. В качестве альтернативы прокуроры могут не согласиться со следователями по поводу соответствующего обвинения. Нетрудно предугадать споры о подозрении следователя в совершении подозреваемым конкретного правонарушения и о сроках вынесения ему специального предупреждения.

Обсуждение результатов исследования

Законодательство Нового Южного Уэльса было значительно усложнено попыткой решить серьезную проблему, с которой столкнулось англо-валлийское законодательство в контексте обязательств Соединенного Королевства по Европейской конвенции по правам человека. Европейский суд по правам человека постановил, что вывод о виновности может быть сделан только на основании неупоминания того, что впоследствии использовалось в качестве доказательства защиты, если подозреваемый имел юридическую консультацию. Последующее английское прецедентное право было сосредоточено на последствиях юридической консультации для подозреваемых.

В комментарии к законопроекту о доказательствах молчания указывалось на возможность критики за то, что право на справедливое судебное разбирательство было нарушено, если выводы были сделаны против обвиняемого, который не имел доступа к юридической помощи во время допроса в полиции. Следовательно, законодательство Нового Южного Уэльса существенно ограничивает право на молчание [12]. Новое предупреждение долж-

но быть дано в физическом присутствии австралийского практикующего юриста, который в то время действовал от имени подозреваемого. Подозреваемый должен иметь разумную возможность проконсультироваться с практикующим юристом об общем характере и последствиях специальных предостережений. Это означает, что в ходе обычного ареста подозреваемому будет вынесено стандартное предупреждение – что он не должен ничего делать или говорить. Только в полицейском участке, в присутствии адвоката, могут быть даны особые меры предосторожности. Как отмечалось выше, связь между юридической консультацией, предполагаемым необоснованным неупоминанием чего-либо, впоследствии поднятого в суде, и неблагоприятными последствиями вызвала значительные проблемы в судах Англии и Уэльса.

Раздел 89A(2)(с) Закона о доказательствах делает предварительным условием для вывода обвиняемого, что во время допроса ему была предоставлена возможность проконсультироваться с адвокатом (физически присутствующим) об общем характере и последствиях особых предостережений; то есть о последствиях неупоминания или отказа от упоминания факта, на который позже ссылался обвиняемый. Это ставит адвоката подозреваемого перед дилеммой [13]. Если адвокат сообщает подозреваемому, что он рискует неблагоприятными последствиями из того, что он воспользовался своим правом хранить молчание, это служит оправданием для такого указания, если это право было реализовано.

Однако, если адвокат просто говорит подозреваемому, что он может воспользоваться своим общим законом правом хранить молчание, ситуация менее ясна. В то время как законодательство просто требует, чтобы подозреваемый имел «разумную возможность проконсультироваться

с (адвокатом) об общем характере и последствиях специальных предостережений» [14], непросто понять, какой подход примут суды, когда адвокат советует подозреваемому воспользоваться своим правом хранить молчание, и подозреваемый следует этому совету [15]. Вывод может быть сделан только из неупоминания или отказа от упоминания факта, если «от ответчика можно было разумно ожидать, что он упомянет (это) при обстоятельствах, существовавших в то время». В Англии суды исследуют разумность доводов ответчика по совету адвоката: это может привести к тому, что адвоката вызовут для дачи показаний, что создаст острый конфликт интересов и помешает ему продолжать представлять подзащитного [16], давать рекомендации о влиянии положений о молчании во время официального допроса из-за риска конфликта интересов в суде.

Положения Закона о доказательствах молчания не распространяются на лицо, которое на момент допроса не достигло 18-летнего возраста или не способно понимать общий характер и последствия особого предупреждения.

Какова природа проблемы, которую молчаливые подозреваемые вызывают в уголовном процессе? Те, кто продвигал новый закон, утверждают, что подозреваемые обычно отказываются отвечать на вопросы полиции, что это препятствует их осуждению, и что те, кто связан с организованной преступностью, особенно склонны избегать осуждения, отстаивая право на молчание.

Эмпирические доказательства всегда являются лучшим местом для начала анализа уголовного правосудия.

Сосредоточенность на молчании неуместна по двум причинам. Во-первых, некоторые из немногих подозреваемых, которые отказываются отвечать на вопросы, делают это не в качестве хитрой юридической уловки, чтобы спасти свою

защиту от неожиданностей в суде. Они делают это по социальным, а не юридическим причинам: отказ от сотрудничества с полицией является выражением их антагонизма по отношению к органам правопорядка. Диксон приводит пример такого типа подозреваемых: молодой человек, который отказывался отвечать на вопросы, хотя (учитывая обстоятельства его ареста) у него не было шансов избежать осуждения [10]. Неудивительно, что следователи считают таких подозреваемых раздражающими.

Во-вторых, несмотря на свое название, Закон о доказательствах молчания касается не только молчаливых подозреваемых. Он также относится к подозреваемым, которые говорят, часто очень долго, с полицейскими, но которые в суде пытаются поднять вопросы, которые не были упомянуты в их допросе. Однако есть и контекстуальный аспект: следователи часто говорили исследователям, что они приветствуют подозреваемых, которые лгут или говорят полуправду на допросе, потому что – что бы ни гласили правила доказывания – суды сделают соответствующие выводы о правдивости подсудимого, чья защита впервые появляется в суде [17].

«Моральная паника» – это известный термин, применяемый к тому, как общество реагирует на предполагаемые проблемы преступности или беспорядков. Очень похожие социальные процессы проявляются в предлагаемых решениях проблем [18]. Драматический ярлык является *de rigueur* – война с наркотиками, нулевая терпимость, жесткое отношение к преступности и ее причинам и т. д. Точно так же можно рассматривать и ссылки на «право на молчание»: отмена права на молчание рассматривается как очевидное решение сложных проблем; полиция, обозреватели СМИ и политики участвуют во взаимодополняющих дискуссиях, которые свободны

от эмпирической реальности конкретно-го вопроса в уголовном процессе именно потому, что на карту поставлено гораздо больше, чем этот конкретный вопрос [19].

Тревога по поводу преступности и того, кто контролирует и запрещает уголовный процесс, разыгрывается в спорах о праве на молчание.

К сожалению, защитники права на молчание часто копируют подход его критиков: обычно они риторически говорят об утрате древних прав, редко упоминая о том, что это фундаментальное право так мало используется на практике.

Рассмотрев вопросы применения права на молчание и проблемы его ограничения с целью объективного и справедливого разрешения уголовного дела, мы приходим к выводу, что рассмотренные выше проблемы общего права не соотносятся с существующей в нашей стране системой, так как законодательство Республики Узбекистан, хотя и предусматривает право на молчание, при этом не имеет существенных ограничений, как это происходит в системе общего права.

Выводы

Право на молчание является одним из основополагающих принципов уголовного правосудия во многих странах современного мира, которое закреплено международным правовым актом. Республика Узбекистан также закрепила данное положение в своем уголовно-процессуальном законодательстве.

Однако развитые страны, входящие в систему общего права, разъясняя институт права на молчание, рассматривают

негативные последствия данного института, связанные со злоупотреблениями со стороны подозреваемых и обвиняемых, усложнением раскрытия дела. В связи с чем законодатели придумывают новые способы ограничения права на молчание, определяя его границы, связывая с неблагоприятными последствиями при рассмотрении уголовного дела в суде, что, конечно же, приводит к несправедливому и необъективному рассмотрению дела. Один из примеров данного ограничения рассматривается по законодательству Австралии.

Дискон [20], проанализировав опыт Австралии по ограничению права на молчание, делает вывод, что нет доказанной необходимости в ограничении права на молчание. Судя по имеющимся свидетельствам, нет оснований полагать, что оно достигнет поставленных целей. Наоборот, опыт английской правовой системы показывает, что это законодательство, вероятно, создаст еще одно «пресловутое минное поле» для судов. Подобные законодательные промахи могут иметь многочисленные нежелательные побочные эффекты.

Исходя из проведенного анализа мы приходим к выводу об отсутствии необходимости ограничения права на молчание и в Республике Узбекистан, посредством чего будет сохранено одно из важнейших прав личности – право отказаться от дачи показаний и быть уведомленным о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу против него.

REFERENCES

1. Civil Procedure Act 2005 ('CPA'), pp. 137–140.
2. Director of Public Prosecutions Act 1986 (NSW) s 15A(1).
3. Gallacher M. New South Wales, Parliamentary Debates, Legislative Assembly, 20 March 2013, 18856. Minister for Police and Emergency Services.

4. Arditi J. Criminal Trial Efficiency. NSW Parliamentary Library Research Service E-Brief, December 2009, no. 11/09.
5. Latham M. How will the New Cognate Legislation. Affect the Conduct of Criminal Trials in NSW? *Judicial Officers' Bulletin*, 2013, no. 25 (7), p. 57.
6. Sanders A., Young R., Burton M. Criminal Justice. *Oxford University Press*, 4th ed, 2010.
7. Jackson J. Silence and Proof. *5 International Journal of Evidence and Proof*, 2001, p. 145.
8. Tan A.Kh.-J. Adverse Inferences and the Right to Silence: Re-examining the Singapore Experience. *Criminal Law Review*, 1997, p. 478.
9. Leng R. Silence Pre-trial, Reasonable Expectations and the Normative Distortion of Policing. *5 International Journal of Evidence and Proof*, 2001, pp. 240, 252.
10. Dixon D. Law in Policing: Legal Regulation and Police Practices. *Oxford University Press*, 1997.
11. Grevling K. Silence Rights and Vicious Circularity. Eds. P. Mirfield and R. Smith. *Essays for Colin Tapper*, Lexis-Nexus, United Kingdom, 2003, pp. 12-13.
12. O'Farrell B. Premier of NSW. Crime Crackdown: "Right to Silence" Law Toughened. *Media Release*, 14 August 2012.
13. Dixon D. Questioning Suspects: A Comparative Perspective. *26 Journal of Contemporary Criminal Justice*, 2010, p. 426.
14. Evidence Act 1995 s 89A(d).
15. Cooper S. Legal Advice and Pre-trial Silence – Unreasonable Developments. *10 International Journal of Evidence and Proof*, 2006, p. 60.
16. Quirk H. The Right of Silence and Undermining Legal Representation at the Police Station. Ed. J. Robins, No Defence: Miscarriages of Justice and Lawyers. *Solicitors Journal*, 2013.
17. Dixon D. Interrogating Images: Audio-visually Recorded Police Questioning of Suspects. *Institute of Criminology*, 2007, p. 126.
18. Eades D. Aboriginal Ways of Using English. *Aboriginal Studies Press*, 2013, p. 114.
19. Blayden L. Right to Silence. NSW Parliamentary Research Service Issues Backgrounder, 2012, no. 4. Parliament of New South Wales.
20. Dixon D., Cowdery N. Silence Rights. April 28, 2014. *Australia Indigenous Law Review*, 2013, no. 17 (1), pp. 23–37. UNSW Law Research Paper No. 2014-09. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2429546/>.

YURISPRUDENSIYA

HUQUQIY ILMIY-AMALIY JURNALI

1 / 2022

BOSH MUHARRIR:

Nodirbek Salayev

Ilmiy ishlar va innovatsiyalar bo'yicha prorektor

BOSH MUHARRIR O'RINBOSARI:

Ikrom Ergashev

Ilmiy boshqarma boshlig'i

Mas'ul muharrir: D. Xudoynazarov

Muharrirlar: Sh. Jahonov, K. Abduvaliyeva,
F. Muhammadiyeva, Y. Yarmolik

Texnik muharrirlar: U. Sapayev, D. Rajapov

Tahririyat manzili:

100047. Toshkent shahar, Sayilgoh ko'chasi, 35.

Tel.: (0371) 233-66-36, 233-41-09.

Faks: (0371) 233-37-48.

Web-sayt: www.tsul.uz

E-mail: lawjournal@tsul.uz

E-mail: tn.tdyu@mail.ru

Jurnal 15.03.2022-yilda tipografiyaga topshirildi.

Qog'oz bichimi: A4. Shartli 22,08 b.t. Adadi: 100.

Buyurtma: № 6.

TDYU tipografiyasida chop etildi.